

В. Ханевич — Политические репрессии и гонения в отношении католиков на Кузбасской земле в 20-30-е годы XX века

Февральская революция 1917 года принесла всем народам бывшей Российской империи демократические свободы, в том числе провозгласив свободу вероисповеданий для всех граждан новой демократической страны. Временным правительством было заявлено о своей решимости уничтожить все те преграды, которые мешают новому демократическому строю стать внеконфессиональным, уравнивать в правах все религии и конфессии. Это, в основном, соответствовало конституционным основам светских государств нового времени¹. Однако последующие события не позволили благим пожеланиям свершиться...

После октябрьского переворота 25 октября 1917 года, получившего название Великой Октябрьской Социалистической революции, пришедшие к власти большевики действительно уравнивали все Церкви и религии между собой, но уравнивали не в возможности свободно развиваться во славу Всевышнего, а в возможности одинаково быть униженными, гонимыми и уничтоженными. Именно с октября 1917 года настали самые черные времена в жизни всех верующих россиян независимо от их конфессиональной принадлежности.

Большевистская власть с первых дней своего существования была настроена антирелигиозно. Основываясь на теоретических постулатах марксизма об исторической обреченности любой религии, как иллюзорного отражения несовершенного мира, о коренной противоположности и, соответственно, невозможности параллельного существования марксистской и религиозной идеологий. Эти установки в конкретно-исторической практике большевизма превратились в мощное пропагандистское обоснование борьбы против религии, церкви и верующих как носителей не просто ошибочных, не просто противоположных, но опасных для дела социализма-коммунизма взглядов. Отсюда в реальной истории проистекала непримиримая и бескомпромиссная борьба партии и государства против религиозных организаций с применением мер экономического, политического, юридического террора².

Первой мерой экономического террора в отношении Церкви стали первые же Декреты власти Советов. Декрет о Земле от 8 ноября 1917 года лишал Церковь прав собственности на землю. Декрет от 17 декабря все земельные угодья, включая церковные, передавал в собственность государства. Декретом от 24 декабря все учебные заведения передавались в ведение Комиссариата просвещения, следовательно, и Церковь лишалась всех академий, семинарий, училищ. 31 декабря 1917 года перестал считаться законным церковный брак. С начала 1918 года посыпался новый град декретов и постановлений, направленных на удушение Церкви. Так, 20 января 1918 года был опубликован Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви и последовавшая за ним специальная инструкция, которая лишила все религиозные организации юридических прав и объявила их имущество народным достоянием. Эти и последующие акты, и постановления советского правительства положили начало массовому разграблению и разрушению храмов, репрессиям против священнослужителей и преследованию верующих за религиозные убеждения. А призыв Н. Бухарина "Взять религию на штыки", Эдуард фон с энтузиазмом подхваченный воинствующими безбожниками, окончательно развязал руки карательным и судебным органам. Борцы за чистоту идеологии не делали различий, пострадали все: православные и католики, лютеране и протестанты, баптисты и меннониты, последователи ислама и буддисты.

¹ Цыпин В. История Русской Православной Церкви 1917-1990 гг. — М.: Издательский дом "Хроника", 1994. С. 30.

² Сосковец Л.И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40-60-е годы XX века. Томск, 2003. С.4.

Репрессии среди католического духовенства в стране начались практически сразу после установления советской власти: в 1919 году был выслан из страны глава католической церкви в России, митрополит Эдуард фон Ропп, в марте 1923 состоялся процесс по делу его фактического преемника архиепископа Яна Цепляка, который, по мнению многих историков, являлся репетицией готовящегося суда над главой Русской Православной Церкви патриархом Тихоном. Эти события, привлёкшие внимание мира, сопровождались постоянно идущими репрессиями католического духовенства и католиков-мирян по всей стране, в том числе и в Сибири.

История политических репрессий в нашей стране подтверждает горькую мысль о том, что условия для беззаконий создавались "верхами", но травля, гонения, которые зачастую заканчивались трагедиями, нередко проводились по инициативе и руками "низов". Например, в мае 1918 года разразился скандал между настоятелем Томского католического храма отцом Иосифом Демикисом и рабочими, обрабатывающими землю на ксендзовой заимке. Последние, воспользовавшись декретом Совнаркома о земле, решили, что вся земля с движимым и недвижимым имуществом должна перейти в их руки. Чтобы спасти церковное имущество, отец Демикис начал его распродажу. В качестве ответной меры рабочие приняли решение создать коммуну и приостановить распродажу заимки, а на настоятеля подать в революционный трибунал, «как на политически несознательного элемента». Собрание прихожан постановило подать иск в суд на рабочих, а церковную землю и впредь закрепить за причтом. Решение новой власти было закономерным: «земля в Советской республике принадлежит пахарям»³.

В период гражданской войны многие сибирские католики и их духовные пастыри однозначно не поддержали и не одобрили действий большевиков, но по-разному отнеслись к власти белых генералов. Часть католиков вынуждена была признать власть адмирала Колчака в Сибири, и Ватикан в лице Папы Римского Бенедикта XV уполномочил томского декана отца Иосифа Демикиса представлять при правительстве А. В. Колчака высшую церковную католическую миссию в Сибири⁴. Другая часть сибирских католиков, главным образом патриотически настроенных поляков, не поддержала лидеров белого движения в стремлении выступить единым фронтом против Красной армии, так как генералы проповедовали идею «единой и неделимой России» и давали полякам слишком туманные заверения в их национальном самоопределении. Подобные взгляды выражали не только поляки из числа политических деятелей, но и представители католического духовенства, в результате чего подверглись репрессиям со стороны колчаковской администрации.

Так, в 1918 году в ссылку «за неодобрительное отношение к сотрудничеству польских войск с Белой армией» в поселок Маличевку Томского уезда был отправлен ксендз Франтишек Грабовский (1873-1921)⁵. В 1920 году с изгнанием Колчака и приходом в Сибирь «второй власти большевиков» положение ксендза Грабовского, как и других католических священников, ещё больше усугубилось. Грабовский стал подвергаться травле и преследованиям со стороны местного секретаря партийной ячейки, по доносу которого и был отправлен в губернскую ЧК, но вскоре освобожден по амнистии. Выйдя из тюрьмы, ксендз Франтишек возвратился в свой приход, но вновь стал объектом травли и гонений со стороны местных партийных властей. Один партийный функционер из числа польских коммунистов, посетивший глухой сибирский поселок в 1920 году, беседовал с ксендзом и потом докладывал, что Грабовский — типичный образец католического священника. В беседе Грабовский откровенно заявил ему, что не может сочувствовать коммунистам, так как те выступают против частной собственности, а

³ Знамя революции. 1918. 15 мая.

⁴ Эйнгор Н. И. Очерки истории религии и атеизма в Сибири. Томск: "Издательство Томского Университета". 1982. С. 68.

⁵ Архивно-следственное дело Гронского Ю.М. // Архив ФСБ Томской области.

для него частная собственность — это "забронированная святость"⁶. Вскоре отец Франтишек вновь был арестован и в ночь с 27 на 28 января решением волостного революционного бюро расстрелян вместе с православным священником Белявским. И хотя 1 февраля 1921 года уполномоченный Томской ЧК отметил, что «сей священник Грабовский никакой контрреволюционной деятельности против сов<етской> власти не проводил», тремя днями позже данный приговор Уездным революционным исполкомом был признан правильным как проведенный «во избежание агитации против рабоче-крестьянской власти среди темных масс во время прохода в волости белогвардейских банд...»⁷.

20 сентября 1920 года был арестован в поселке Тимофеевском Каинского уезда Томской губернии ксендз из латышей Иоанн Аудор (1879-после 1939). Написавший на него донос один из местных коммунистов указывал, что ксендз Аудор «чрезвычайно опасный контрреволюционер. Особенно он опасен тем, что облакает свою антисоветскую работу в формы, не допускающие преданию суду, и чрезвычайно осторожную, через агентов — своих приверженцев. Благодаря ксендзовским обязанностям и пользуясь ими, ксендз Аудор имеет возможность и пользуется ею для объезда почти всего Каинского уезда в своих контрреволюционных целях...»⁸. В дальнейшем, несмотря на абсурдность и голословность обвинения и многочисленные прошения прихожан освободить из-под стражи их пастыря, после шестимесячного пребывания в заключении решением Томского губернского ЧК от 20 июля 1921 года ксендз Аудор был признан виновным «в службе в польских отрядах у Колчака» и постановлением Президиума ВЧК от 30 июня 1921 года заключен в лагерь до обмена с Польшей⁹. Очевидно, отец Франтишек Грабовский и отец Иоанн Аудор были первыми католическими священниками Томского деканата, ставшими жертвами большевистского произвола. Вскоре за ними последовали и другие...

Как уже указывалось, начальными мерами репрессивного характера против Церкви в России, в том числе и Католической Церкви, со стороны большевиков стали секуляризация (изъятие) церковных земель и требование о заполнении священниками анкеты-расписки об их лояльном отношении к Советскому государству и декрету об отделении школы от Церкви. Одним словом, власти требовали не только лояльности к новому режиму, но и одобрения мероприятий коммунистов в отношении их антирелигиозной политики. Подобные требования к католическим священникам ещё в 1918 году были отвергнуты Ватиканом. Любые попытки сопротивления подавлялись с революционной жестокостью.

Уже в начале апреля 1920 года, то есть через три месяца после восстановления в губернии Советской власти, Томский губревком разослал телеграммы в Мариинск, Кузнецк, Каинск, Щегловск, Тайгу и Колывань с требованием срочно в недельный срок телеграфом предоставить сведения о наличии в этих городах храмов, их вместимости, точном количестве граждан, заключающих договора пользования храмами, фактической посещаемости этих храмов прихожанами и возможном отношении местного населения к «утилизации церквей на общепользные нужды»¹⁰. В июле 1920 года Сибревком предложил строго наказывать лиц, виновных в сопротивлении Декрету отделения школы от Церкви¹¹.

В 1922 году началась новая кампания по изъятию церковных ценностей под предлогом борьбы с голодом в Поволжье. В то время как проходила беспрецедентная по размерам акция помощи Ватикана голодающим в СССР,

⁶ ЦДНИ Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1550. Л. 14.

⁷ ГАТО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.

⁸ Архив УФСБ по Томской области. Архивно-следственное дело № П-927. Л. 100-101.

⁹ Ханевич В. А. Сибирские ксендзы в 1920-30-х гг. (К истории Католической церкви в Сибири) // Труды Томского Государственного объединенного историко-архитектурного музея. Т-9. Томск. 1996. С. 194.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 17А. Л. 337.

¹¹ В 1921 году на территории Западной Сибири состоялся целый ряд судебных процессов над группами православных священников и верующих, противодействовавших реализации декрета.

советская власть не принимала кардинальных репрессивных мер, однако после официального завершения этой помощи был арестован ряд католических священнослужителей. В Сибири ограбление церковных храмов под прикрытием борьбы с голодом приобрело массовый характер после принятия соответствующего постановления Сибирского бюро ЦК РКП (б) от 25 марта 1922 года¹².

Фактически же это ограбление началось с первых дней прихода большевиков к власти. Так, в ограблении Томского католического храма и его прихода в 1920 году участвовали коммунисты-поляки. По их инициативе у прихожан было отобрано здание, где находился приют для детей, и передано польской секции РКП (б) для организации здесь польской школы "на социалистических началах", то есть без преподавания религии. Сохранились письма польской секции РКП (б) в губернский комитет партии с просьбой выдать им ордера на право конфискации у ксендза Станислава Попалейгиса¹³ всех книг и документов ими же ликвидированного римско-католического благотворительного общества и изъятия из костела фисгармонии-органа на основании, — «так как у ксендза есть две»¹⁴. В конце 1920 года и начале февраля 1921 года представитель Польской секции при губернском комитете РКП (б) Казимир Булянд, ссылаясь на необходимость «удовлетворения культурно-просветительских нужд поляков и белорусов, проживающих в северной части Томского уезда», несколько раз обращался к руководству губернского Наробраза с предложением отобрать у верующих католиков Белостокского поселка жилой дом священника под организацию в нем школы, «не считаясь ни с каким противостоянием набожных прихожан, подстрекаемых ксендзом», а в случае бойкотирования этой школы принимать репрессивные меры, вплоть до ареста и отправки строптивых прихожан в губернский дом принудительных работ¹⁵. После ареста ксендза Франтишка Грабовского приходской дом в селе Маличевка также был коммунистами реквизирован под школу¹⁶.

Что же касается изъятия церковных ценностей как из Томского, так и других католических храмов губернии, то, по свидетельству ксендза Юлиана Гронского, этот процесс протекал "без осложнений", так как сначала власти угрозами заставили костельный совет дать свое согласие на изъятие ценностей, а потом уже поставили его перед фактом свершившегося. Из томского костела, как впоследствии было зафиксировано в акте проверки, в ходе кампании по изъятию церковных ценностей была реквизирована только одна серебряная лодочка для кадила и один серебряный поднос¹⁷. Католические храмы Томского деканата, тем более находившиеся в сельской местности были бедны и не имели в перечне своего имущества изделий из драгоценных металлов.

Каждый год вносил все новые и новые дополнения в открывшийся мартиролог репрессированных католических священников. В их числе оказались и те, кто служил в сибирских приходах.

3 апреля 1927 года в Новосибирске был арестован настоятель местного храма ксендз Николай Михасенок (1888-1933), служивший в сибирских приходах Томского деканата с 1911 года (викарий в городе Томске, настоятель Маличевского, Белостокского и Новосибирского костелов)¹⁸. Весть об аресте ксендза вызвала большое возбуждение среди католиков Новосибирска. Многие связывали арест отца Николая с целью властей сорвать празднование наступающей Пасхи Христовой. Костельный совет даже написал заявление на имя начальника Новосибирского полномочного представительства ОГПУ с просьбой временно

¹² ЦДНИ Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1550. Л. 11-15.

¹³ Ксендз С. Попалейгис в 1914 году служил в Иркутске викарием. 5 марта 1914 — получил назначение в Мариинск. В 1915-1916 — настоятель Мариинского прихода. В 1918-1920 — находился в Томске // Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. С. 67; ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 37. Л. 30; Ф. 3. Оп. 77. Д. 258. Л. 5.

¹⁴ ЦДНИ Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1549. Л. 340, 347.

¹⁵ ЦДНИ Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1549. Л. 179; Д. 1553. Л. 133.

¹⁶ ЦДНИ Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1550. Л. 15.

¹⁷ ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 62. Л. 7-7 об.

¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 341. Л. 5-5об.

освободить ксендза Михасенка из тюрьмы для исполнения праздничных религиозных служб. Праздник Святой Пасхи новосибирские католики отмечали без своего духовника, горячо молясь за его скорейшее освобождение, а ксендза тем временем ежедневно водили на допросы, где он упорно отказывался признать себя виновным в предъявленных обвинениях¹⁹. Решением Особого Сопещения при Коллегии ОГПУ от 25 ноября 1927 года отец Николай был приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года без применения к нему амнистии. Наказание отбывал в концлагере города Кемь — печально известного СЛОНа (Соловецких лагерей особого назначения). 28 апреля 1930 года решением все того же Особого Сопещения ОГПУ его дело было пересмотрено и к прежнему наказанию по отбытию срока заключения в концлагере добавлена высылка на три года в Северный край. 13 апреля 1931 года отец Николай был вывезен с Соловков сначала в Сибирь, позднее переведен в Великий Устюг, где в 1933 году скончался²⁰.

Следует отметить, что одновременно с ксендзом Михасенком на Соловках в заключении находился в числе других католических священников также ксендз Адольф Филипп (1885-после 1937), служивший в 1910-1911 годах в католических приходах Томского деканата, а перед арестом — в костеле города Витебска. В лагере работал огородником и дорожным мастером. В июле 1929 года был переведен на остров Анзер, как «наиболее решительный в выражении своих взглядов заключенный». Во время свидания с матерью передал ей написанную мокрым химическим карандашом на двух кусках ткани петицию на имя председателя ВЦИК Калинина М. И., в которой были указаны имена всех католических священников, находившихся на Соловках, — живых и уже умерших. В петиции были перечислены все страдания узников и беззакония, жертвами которых они стали. Приведем выдержки из этого свидетельства отца Адольфа:

«Нас ксендзов, почти всех пожилых и инвалидов, заставляют нередко исполнять очень тяжелые работы, как, например, копать ямы под фундаменты построек, вытаскивать большие камни, копать зимой замерзшую землю, возить вещи за 15 километров расстояния; часть этого пути приходится совершать по морю, где соленая морская вода всачивается в обувь и замачивает ноги; иногда приходится дежурить по 16 часов в сутки зимой и вне помещений без перерыва <...> После тяжелой работы нам необходим продолжительный отдых, а в помещении для нас на каждого человека иногда приходится меньше 1/16 части кубатуры воздуха, необходимого для жизни человека. Иногда приходится в холодное время простаивать на поверках довольно долгое время, не смея сделать никакого движения, и, вообще, приходится быть в полной зависимости от уголовного элемента, из которого состоит наше ближайшее начальство».

Следует сказать, что, возвратившись на материк, мать священника принесла этот документ в конфессионал к епископу Пию Неве. Тот передал документ послу Франции Жану Эрбетту, который послал его дипломатической почтой монсеньору Мишелю Д'Эрбиньи для вручения его папе Пию XI. Д'Эрбиньи передал петицию в редакцию английской протестантской газеты "Morning Post", которая и опубликовала этот документ.

Что же касается дальнейшей судьбы отца Адольфа Филиппа, то находясь в лагере, 5 июля 1932 года он был арестован по групповому делу католического духовенства, которое обвинялось «в создании антисоветской группировки, ведущей антисоветскую агитацию, тайно совершавшей богословские и религиозные обряды и осуществлявшей нелегальную связь с волей для передачи за границу сведений шпионского характера о положении католиков в СССР». Следствие ходатайствовало о «переводе его в Ярославский политизолятор», но отец Адольф был оставлен на Соловках. 10 ноября 1936 года он получил освобождение из лагеря и вернулся в Витебск, где в августе 1937 года вновь был

¹⁹ Архивно-следственное дело Н. Михасенка // Архив Управления ФСБ по Томской области.

²⁰ Архив Управления МВД по Вологодской области; Осипова И. 1996. С. 185.

арестован и выслан. В конце 1930-х годов в польское посольство пришло известие, что он жив и находится в ссылке. Дальнейшая судьба его неизвестна²¹.

В 1928 году в городе Ачинске арестовали ксендза Иосифа Козакевича (1889-1934), служившего в Бороковском и Боготольском католических приходах в середине 1920-х годов. После недолгого и формального следствия приговорили к 3 годам ссылки в Нарымский край. В сентябре 1933 года он был внесен Польским Красным Крестом в списки заключенных для обмена с Литвой. В 1934 году из ссылки освобожден и выехал по обмену в Каунас. Прибыл туда очень больным, был помещен в больницу в селе Понемунь под Каунасом, где через несколько месяцев скончался²².

Период конца 1920-х – начало 1930-х годов в России характеризуются дальнейшим усилением репрессий как в отношении всех Церквей, так и в отношении католиков. С 1929 года началось «развернутое наступление социализма» на религию и Церковь по всей стране. 24 января 1929 года было утверждено Постановление "О мерах по усилению антирелигиозной работы", разосланное в феврале 1929 года в местные партийные комитеты. Этим Постановлением фактически была дана команда к широкому применению административных и репрессивных мер в борьбе с религией. 8 апреля 1929 года было принято Постановление "О религиозных объединениях", определяющее среди прочего также порядок закрытия храмов и ликвидации религиозных общин. И хотя Инструкция о порядке ликвидации церквей, молитвенных домов и распределения имущества таковых была принята еще 15 ноября 1924 года, но тогда, в середине 1920-х годов, процесс закрытия церквей еще не носил массового характера. В массовом порядке церкви стали закрывать в начале 1930-х годов.

В то же время сохранившиеся архивные документы свидетельствуют, что первую попытку отобрать у католиков храм в городе Мариинске местные власти предприняли именно в середине 1920-х годов. 24 марта 1925 года на своем заседании Президиум Мариинского уездного исполкома по предложению Административного отдела постановил расторгнуть договор с группой верующих католиков Мариинска от 15 июня 1923 года и изъять у них здание храма, дом священника и предметы религиозного культа под предлогом того, что католиками нарушен один из пунктов договора — не произведен текущий ремонт здания, «благодаря чему здание находится в полузаброшенном состоянии».

Однако Томский губернский исполком тогда мариинских товарищей не поддержал, оставив вопрос о расторжении договора открытым и поручив уездному исполкому обязать мариинских католиков немедленно застраховать здание костела в полной сумме страховой оценки, а также заставить верующих в соответствующие сроки произвести ремонт «в объеме предельно необходимом». Судя по всему, община тогда смогла собрать необходимую сумму средств и сделать ремонт, но в дальнейшем делать это становилось все сложнее. В 1931 году уполномоченный общины Мариинска Загорский обратился в административные органы с заявлением о передаче здания и всего имущества Городскому совету «в виду распада общины» и отсутствием средств на уплату все возрастающих налогов. С подобным заявлением обратились в органы власти и представители местной еврейской общины.

Председатель Мариинского городского совета Колобков предложил в связи «с совершенной недостаточностью в городе школьных помещений и отсутствием в городе клуба для проведения культурно-массовой работы среди рабочей молодежи» здание синагоги использовать под городской рабочий клуб, а костел приспособить под школу, указав, что упомянутые помещения верующих вполне пригодны для дальнейшей эксплуатации. 28 июля 1931 года Президиум Мариинского райисполкома постановил "ходатайства" верующих евреев и уполномоченного католической общины удовлетворить и передать синагогу под

²¹ Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР. С. 253-254; Электронная база данных «Жертвы политического террора в СССР».

²² Dzwonkowski Roman SAC. S. 299-300.

клуб, а здание костела считать более рациональным передать под детский сад. Постановлением Президиума Сибирского крайисполкома от 17 ноября 1931 года за № 735 Римско-Католический костел в Мариинске был окончательно ликвидирован²³. Впоследствии здание храма было разобрано, и из костельных бревен сделана пристройка к городскому Дому культуры в городском саду. На месте костела позднее была построена гидрометеостанция, а затем общежитие. Сейчас на месте костела стоит обыкновенный частный дом. Сохранился только в полуразрушенном состоянии дом священника.

В Боготоле католическая церковь была закрыта в 1936 году после ареста активных членов "двадцатки" И. К. Кокина, С. Д. Гирбуста и других. Здание храма разобрали в 1976 году. В каком году был закрыт храм в селе Бороковском неизвестно, но, как вспоминают старожилы сестры Анна и Нина Барановы, здание храма перед войной было разобрано и перевезено в районный центр Тяжин, где из него построили Дом культуры. В числе последних в Западной Сибири был закрыт католический храм в Томске, это произошло в 1937 году (формально — 15 июля 1938 года).

Рассмотрев историю ликвидации кузбасских католических храмов, есть необходимость вновь вернуться к судьбам тех католических священников, кто служил в разные годы в этих и других сибирских католических храмах. Как уже отмечалось, к концу 1920-х годов нарушения прав священнослужителей в СССР уже были закреплены законодательно: духовенство лишалось избирательных прав, права быть членами профсоюзов, возможности получения пенсии, социального страхования и дополнительного заработка. В январе 1930 года было издано распоряжение о выселении священнослужителей из всех национализированных помещений. В 1933 году вышло специальное постановление ЦИК о привлечении служителей культа к обязательной поставке мяса, молока и картофеля государству. Секретное Постановление Президиума ВЦИК "О налоговом обложении настоящих и бывших служителей культа за 1930-1931 годы" разрешало превышение налога на священнослужителей по сравнению с налогом на крестьян до 100%. Обвинения против священников в СССР чаще всего фальсифицировались. Они обвинялись в антисоветской и контр-революционной деятельности только за то, что исповедовали свои религиозные убеждения. По статье 119 (использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям) и статье 121 (преподавание малолетним или несовершеннолетним религиозных вероучений) УК РСФСР в 1922 году были осуждены многие католические священнослужители в различных регионах страны. В районах "сплошной коллективизации" "наступление на кулачество", провозглашенное ноябрьским Пленумом ЦК ВКП (б) в 1929 году, сопровождалось обвинениями духовенства в срыве кампании по хлебозаготовкам.

Так, в конце 1920-х годов был арестован бывший настоятель Бороковского прихода Марцелий Шварас (1872 — после 1930). После ареста он был отправлен в Иркутскую тюрьму, где и скончался (точная дата смерти неизвестна); по другой версии тогда же погиб под пытками в тюрьме Красноярска²⁴. В 1928 году арестовали бывшего томского викария и члена строительного комитета костела в Мариинске ксендза Павла Казюнаса (1877 — 1937), служившего перед арестом в Чаусах под Могиловом. Вскоре после ареста освободили, но в мае следующего года вновь арестовали и приговорили к 8 годам ИТЛ. Был отправлен в лагерь, откуда в 1933 г. освобожден. Вернувшись из лагеря отец Павел вновь стал служить в прежнем приходе в Чаусах. 24 августа 1937 году вновь был арестован и 22 октября приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 31 октября 1937 года²⁵.

²³ ГАКО. Ф. Р-71. Оп. 2. Д. 27. Л. 1-10б.

²⁴ Dzwonkowski Roman SAC. S. 467-468; Следственное дело № 27// Архив ЦГАОО Украины; Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С.189.

²⁵ Книга памяти. Мартиролог католической церкви в СССР. С. 228-229; Электронная база данных «Жертвы политического террора в СССР».

22 августа 1930 года в Омске городским окружным отделом ОГПУ был арестован настоятель Омской римско-католической общины отец Миколас Бугенис (1888-1980), литовец, уроженец деревни Ямгоняй Утенского уезда. Впервые он арестовывался в 1926 году, но те времена были ещё относительно либеральными, и работники ОГПУ не могли тогда доказать вину Бугениса. Тогда он просидел под стражей в тюрьме около года. На этот раз ксендза обвиняли по статьям 58-4, 58-6, 58-10 УК РСФСР (помощь международной буржуазии, шпионаж, контрреволюционная агитация) и постановлением Коллегии ОГПУ от 20 мая 1931 года осудили на 10 лет лишения свободы. Для отбытия срока заключения отец Бугенис был направлен сначала в Мариинский распределитель Сиблага ОГПУ, а в 1933 году этапирован в город Кемь в распоряжение Соловецких исправительно-трудовых лагерей ОГПУ. Туда, где до него сидел ксендз Николай Михасенок — не только его духовный брат, но однокашник по духовной семинарии в Петербурге, товарищ и друг по жизни. Правда, Миколасу Бугенису выпала несколько иная судьба, чем Михасенку: в 1934 году по договоренности с Литовским правительством он был обменён на большевистских функционеров, содержавшихся в литовских тюрьмах, и в составе группы католических священников покинул СССР.

Когда ксендз Миколас Бугенис сидел в подвалах Омского ГПУ и его судьба ещё определялась местными чекистами, их коллеги в Томске уже готовили процесс над настоятелем Томской римско-католической общины, а с 1926 года к тому же ещё администратора католических храмов всей Сибири Юлианом Гронским (1877 - после 1939). Причем, делалось это с большим размахом, чем в Новосибирске в 1927-м, в Ачинске в 1928-м или в Омске в 1930-м. В январе 1930 года в томской газете "Красное знамя" была опубликована анонимная статья под привычным тогда заголовком: "Борьба против религии — борьба за социализм: Жертва поповской агитации". В статье безымянный автор комментировал якобы присланное в редакцию заявление некоего рабочего колбасной фабрики, в котором тот ставил вопрос о предоставлении ему, как католику, хотя бы двух выходных в год: 25 декабря (в день Рождества Христова) и в первый день Пасхи. Эти дни, по мысли автора письма, празднуют все рабочие-католики капиталистического мира, а он, заброшенный судьбой в далекую Сибирь, вынужден работать. Подобные воззрения сибирских католиков автор статьи охарактеризовал не иначе, как контрреволюционные, направленные против укрепления обороноспособности страны и играющие на руку польским помещикам и капиталистам других стран. Вину за подобные настроения местных католиков автор возложил на ксендза Юлиана Гронского, который якобы своими проповедями заставил неосознательного рабочего подать такое заявление и сделал его орудием своей борьбы за "срыв индустриализации и других советских мероприятий". Вскоре после публикации статьи и поездки ксендза по Нарымскому округу местные органы ОГПУ арестовали восьмерых жителей поселков Маличевка и Спулевка Нарымского края. Их обвинили в создании контрреволюционной группировки под названием "Кружок Христа", которая, будто бы начала действовать ещё в 1926 году по инициативе ксендза Юлиана Гронского и вела свою "гнусную" работу вплоть до своего ареста²⁶. От арестованных добивались показаний на их духовника, а не дождавшись, решили примерно наказать. Двое из восьмерых, в том числе бывший костельный органист Иосиф Липницкий, были расстреляны; двое осуждены на 10 лет заключения в советских концлагерях; остальные получили меньшие сроки заключения или ссылку в Туруханский край. Забегая вперед, следует сказать, что все уцелевшие в 1937 — 1938 гг. будут вновь арестованы и расстреляны.

²⁶ Архивно-следственное дело Липницкого И. // Архив Управления ФСБ по Томской области.

Фото 1.7. о. Валериан Гронский в кругу прихожан города Тайги.
Середина 20-х годов (из семейного архива Я.П. Барановской)

Арестовали ксендза Юлиана Гронского 25 апреля 1931 года в Томске на квартире. Одновременно с ним было арестовано несколько десятков человек (в основном, из числа членов приходских "двадцаток"), проживавших в городах Томске, Барнауле, Омске, Новосибирске, селах Белостоке, Андреевке и других населенных пунктах Западно-Сибирского края. Только по одному делу № 118410 с ним проходило 18 человек, были ещё и самостоятельные дела, выделенные в особые производства. Руководил арестом и в дальнейшем в течение почти года допрашивал ксендза и других подследственных по этому делу уполномоченный Томского ОГПУ Романов. По воспоминаниям старожилов, ксендз Юлиан Гронский на момент ареста был уже пожилым человеком высокого роста, тучного телосложения, страдающим болезнью ног. Два увесистых тома архивно-следственного дела на отца Юлиана, заведенного на него в 1931 году и в настоящее время хранящегося в архиве Управления ФСБ по Томской области, позволили установить более подробно его биографию и, что не менее важно, воспроизвести относительно подробную картину положения католических священников и приходов в Сибири в конце 1920 - начале 1930-х годов.

Ксендз Юлиан (в миру Юлиан Михайлович Гронский) родился в селе Чепели Скопишской волости Ковенской губернии в литовской католической семье. В 1903 году, после окончания Духовной семинарии в Санкт-Петербурге, принял сан священника и служил в различных приходах Белоруссии. В 1907 году приехал в Петербург, но спустя год был отправлен на служение в Ригу. Вернулся в столицу в начале войны с Германией и в 1915 году был мобилизован в действующую армию, где до ноября 1917 года служил военным капелланом при штабе 5-й армии. В июне 1918 года архиепископ Могилевской епархии барон Эдуард фон Ропп направил его для миссионерской службы в Сибирь, в Иркутск. Весь путь отца Юлиана через фронты и воюющие армии до Иркутска занял более полутора лет. В августе 1920 года он прибыл к месту назначения, но тут же был отправлен в Томск, где была острая нужда в священнике. Стал служить настоятелем томского прихода и

деканом, а с 1 ноября 1926 года стал исполнять также должность администратора католических приходов всей Сибири. Долг служения людям и Богу, непоколебимая вера в необходимость нести слово Божие людям заставляли его совершать длительные поездки в самые отдаленные уголки Сибири, где жили католики, но не было священников, в том числе и в Кузбасс. Постоянных католических священников всегда в этих краях было немного, а тем более в годы двадцатые, когда значительная часть католических священников покинула Сибирь вместе с отступающими частями Белой Армии или же ещё раньше.

В одном из писем епископу Яну Цепляку в 1923 году отец Юлиан трогательно описывал свою пастырскую поездку на железнодорожную станцию Тайга, где в тот день разбушевался буран, но, несмотря на это, часовня была полна людьми из окрестных деревень. В ответном письме Юриану Гронскому, написанному незадолго до своего ареста, архиепископ Ян Цепляк заметил, что для таких людей, как католики Тайги, преданных Богу, Вере Святой, «невозможно не посвятить сил своих, здоровья и даже жизни»²⁷. Далее указал, что сибирские католические приходы — это «очень важные места нашей работы, в некотором смысле это "ячейки", из которых со временем вырастет огромное дерево католической веры и набожности». Советовал также отцу Юлиану находиться все же больше в Томске — «центре разных властей в Западной Сибири, где присутствие декана необходимо»²⁸. Это понимал и сам отец Юлиан.

В конце 1920-х годов, признавался на одном из допросов ксендз Гронский, совершать поездки в отдаленные места стало практически невозможно из-за запретов и притеснений властей и органов ГПУ. Везде были слежки и провокации со стороны местных партийных активистов. В основном, их доносы и фигурируют против ксендза как свидетельские показания. 7 марта 1932 года вышеупомянутое дело № 118410 в отношении отца Юлиана и его прихожан было рассмотрено на заседании Коллегии ОГПУ. Самые строгие меры наказания — по 10 лет заключения в концлагерях — получили ксендз Юлиан Гронский и один из его прихожан. Последний, ставший по принуждению ОГПУ сексотом для слежки за ксендзом, позже раскаялся и все чистосердечно рассказал своему духовнику. "Расконспирация" и вызвала особую ярость чекистов. 16 человек были приговорены к разным срокам заключения или же ссылке "из Сибири в Сибирь". Семеро человек были освобождены из тюрьмы с зачетом в наказание срока предварительного заключения, трех обвиняемых освободили из-за "недоказанности обвинительных материалов"²⁹.

Объявив срок заключения в Гулаге на долгие 10 лет, отца Юлиана отправили сначала в Сиблаг (город Мариинск). В августе 1932 года он был переведен на Соловки, в 1933 году вывезен в Москву³⁰. 28 января 1934 года прежнее решение Коллегии ОГПУ в отношении его было отменено, и он был выслан за пределы СССР, очевидно, как и ксендз Миколас Бугенис, в обмен на провалившихся на Западе чекистских эмиссаров или партийных функционеров.

Есть в материалах архивно-следственного дела ксендза Юлиана Гронского и краткие сведения о судьбах других сибирских католических священников, с кем он был знаком и кому помогал деньгами, вещами, продуктами, советами и молитвами по мере своей возможности. Так, отец Юлиан на одном из допросов упомянул о ксендзе Бороковского прихода Мариинского уезда Томской губернии Марцелии Шварас, сказав, что он умер в тюрьме; о ксендзе Ачинского прихода Иосифе Казакевиче, находившемся в ту пору в ссылке. Упомянул ксендз Гронский также имена нескольких католических священников, оказавшихся в конце 1920-х годов в Сибири в качестве ссыльных и кому он помогал. В их числе назвал священника Алексия Зерчанинова, назначенного Римом главой миссии для русских католиков; с ним ксендз Юлиан был знаком еще по Петрограду 1917 года и старался оказать

²⁷ Сибирская католическая газета № 4 апрель 2002 года. С. 14.

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ Архивно-следственное дело Ю. Гронского // Архив Управления ФСБ по Томской области.

³⁰ Осипова И.И. В язвах своих сокрой меня. Москва. 1996. С. 163.

помощь, когда отца Алексия сослали на 5 лет в Тобольск. Упоминал отец Юлиан ксендзов Станислава Словинского, Антония Трачинского, Леонарда Барановского, отца Меньжинского, находившихся в нарымской ссылке. С ксендзом Леонардом Барановским отец Юлиан познакомился еще в 1909 году в Полоцке и в конце 1920-х годов посылал ему на место сибирской ссылки церковное вино, облатки и деньги. Церковные принадлежности отцу Леонарду нужны были для совершения богослужений, хотя в то время в селе Тогуре Нарымского края, где он находился в ссылке, местных католиков не было. Воистину: "Где ксендз, там и месса"...

После ареста ксендза Юлиана Гронского должность администратора сибирских костелов перешла к отцу Иерониму Церпенто (1888 - 1938), настоятелю католической общины в Красноярске. Пастырская деятельность в Сибири для него началась ещё с 1917 года в общинах Томской губернии: он служил в Томске, Бийске, Барнауле, Ачинске, других городах и селах Сибири. В 1930 году в Ачинске его пытались привлечь к ответственности якобы за смерть ребенка при крестинах, но, очевидно, обвинение было настолько абсурдным и грубо состряпанным, что ксендзу удалось доказать свою невиновность. Свет на его дальнейшую судьбу проливает ответ Красноярского Управления ФСБ на наш запрос в 1993 году:

«На ваш запрос отвечаем, что Церпенто Иероним Иеронимович, 1888 (по другим данным, 1878) г<ода> р<ождения>, уроженец мест<ечка> Кривичи Виленского уезда Виленской губернии, белорус, гражданин СССР, образование высшее духовное и специальное — курсы фармацевтов, римско-католический священник, настоятель костела г<орода> Красноярска и администратор костелов Сибири, проживавший в г<ороде> Красноярске, был арестован 2 июня 1935 г<ода> органами НКВД. Церпенто И. И. был обвинен в том, что вокруг костела организовал контрреволюционную группу и активно проводил шпионскую работу в пользу польских разведывательных органов. 24 июня 1936 г<ода> Военный трибунал Сибирского военного округа приговорил Церпенто И. И. к 10 годам лишения свободы (статьи обвинения — 58-3, 58-6, 58-10, 58-11 УК РСФСР). Отбывая наказание, в 1937 г<оде> Церпенто И. И. вновь был привлечен к уголовной ответственности по обвинению в том, что якобы являлся членом Сибирского центра "ПОВ" ("Польская организация войсковая") и, будучи связан с Польским Генштабом и Ватиканом, в течение ряда лет проводил контрреволюционную повстанческую деятельность среди польских колоний Сибири. Постановлением Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР от 4.01.1938 г<ода> Церпенто И. И. была назначена исключительная мера наказания — расстрел. Постановление о расстреле приведено в исполнение 18 января 1938 г<ода> в г<ороде> Красноярске»³¹.

Вместе с отцом Иеронимом были арестованы также несколько наиболее активных прихожан: А.Ф. Шутце, А.К. Лисецкая, С.К. Бесман, С.Ф. Косярский и священник Бронислав Дунин-Вонсович (освобожден за недоказанностью вины в 1936 году, вновь арестован по обвинению в принадлежности к "ПОВ", расстрелян 18.01.1938 года).

После ареста в 1935 году ксендза Иеронима Церпенто обязанности администратора сибирских костелов перешли к ксендзу Иркутской общины Антонию Жуковскому (1885-1937), принявшему заботы о сибирских приходах и костелах как должное и хорошо осознававшему все последствия своего решения. До этого он уже прошел не один круг испытаний, стойчески перенес все притеснения за Церковь Христову. Ещё в 1912 году в Барнауле против него выдвигалось обвинение по статье 92 Уложения о наказаниях Российской империи, но дело по амнистии было прекращено. В том же городе, с установлением советской власти в 1920 году он 8 месяцев содержался под стражей органами ЧК в роли заложника. В 1926 году, уже в Иркутске, Антоний Жуковский был арестован и осужден к 3 годам заключения в лагерях с таким же сроком последующей ссылки. Заключение отбывал в Вышегорских концлагерях Урала, а ссылку — в пределах Северного края.

³¹ Ханевич В.А. Сибирские ксендзы в 1920-30-х гг. (К истории Католической церкви в Сибири) // Труды Томского Государственного объединенного историко-архитектурного музея. Т-9. Томск. 1996. С. 194.

Освободившись, он вновь вернулся в Иркутск к своим прихожанам и начал совершать богослужения в Иркутском костеле и многих других местах Сибири, куда удавалось добраться, преодолевая множество препятствий. Потребность в его службах была великая, поскольку другие католические священники огромного сибирского региона были в это время в лагерях либо в ссылке. Но не долго оставался век пастырской службы и у ксендза Антония Жуковского.

Приближался памятный многим 37-й год. Арестовали А. Жуковского 14 июля 1937 года в Томске, куда он приехал за месяц до того по просьбе местных прихожан³². Следует отметить, что в числе прочих чекистов, кто вел дело ксендза, был лейтенант госбезопасности, начальник 3-го отдела Томского городского отдела НКВД Романов — тот самый, кто в 1931 году, ещё будучи простым сотрудником без офицерских ромбов, определял дальнейшую судьбу целой группы томских католиков вместе с ксендзом Юлианом Гронским.

Первым делом работников НКВД, арестовавших Антония Жуковского, интересовал круг его знакомых в Томске, Иркутске и других городах Сибири. Из томских жителей отец Антоний назвал исполняющего обязанности председателя томской католической общины Сигизмунда Пронского, сторожа костела Франца Шабутского, бывшего органиста костела Марьяна Войнаровского, секретаря костельной "двадцатки" Ванду Томич и других членов костельного актива — всего 8 человек. Вскоре все они, за исключением только одной пожилой женщины, были арестованы и расстреляны³³. Из знакомых в Иркутске ксендз Жуковский назвал наиболее близких ему людей из числа активных прихожан своей общины. Их судьбы нам неизвестны, но вряд ли они отличались от судеб томских знакомых ксендза....

Фото 1.8. о. Антоний Жуковский на похоронах ссыльного кс. М. Бринчака. Томск, май 1936 г. (из архива В. Ханевича)

Допросив кс. Жуковского в Томске, его отправили в Новосибирск, и там уже с ним работали более изощренные следователи из числа специалистов ежовской

³² Архивно - следст. дело Жуковского А.И. // Архив Управления ФСБ по Томской области.

³³ Боль людская. Т. 1. С. 184; Т. 2. С. 426; Т. 3. С. 228, 372.

школы. Сколько они с ним “работали”, и какими способами допрашивали, неизвестно, но результатом их действий стало собственноручно написанное дрожащей рукой ксендза заявление на имя следователя с признанием себя виновным во всех предъявленных ему абсурдных и нелепых обвинениях. В числе последних было и то, что А. Жуковский, наряду с ксендзами Ю. Гронским и И. Церпенто являлся якобы членом подпольного так называемого Сибирского комитета, готовившего повстанческие легионы из числа сибирских католиков с целью организации в Сибири восстания и свержения советской власти. 4 октября 1937 г. Особое совещание НКВД СССР приговорило Жуковского Антония, 52 летнего католического священника, к высшей мере “социальной защиты” - расстрелу. Приговор привели в исполнение 12 октября 1937 г. в 10 часов вечера. Так перестало биться сердце ещё одного служителя Церкви Христовой, последнего католического священника Сибири, остававшегося на свободе до 1937 года.

С арестом практически всех католических священников не только в Сибири, но и по всей территории страны, репрессии против Католической Церкви и её прихожан не только не прекратились, а наоборот приобрели массовый характер, охватывая десятки тысяч человек. В конце 1937 – начале 1938 гг. по всей Сибири прокатились волны массовых арестов поляков, латышей, литовцев, белорусов, немцев, т. е. тех, кто и составлял главным образом, приверженцев Католической Церкви.

Вот несколько примеров репрессий католиков по Нарымскому округу. В 1937 – 1938 гг. было арестовано 86 жителей одного только Малиновского сельсовета Кривошеинского района, по национальности латышей и поляков. Все они были прихожанами Маличевского костела. Только одному из арестованных суждено было остаться в живых, остальные же были расстреляны. Костел закрыли. В ночь с 11 на 12 февраля 1938 г. были арестованы практически все мужчины - от молодых парней до глубоких стариков – польского села Белосток. Подавляющее число их 14 мая 1938 г. было расстреляно, а Белостокский костел подвергнут разграблению.³⁴ Двумя днями раньше, 12 мая были расстреляны ещё 122 нарымчанина - поляка. А 22 мая 1938 г. в центре Нарымского округа – городе Колпашеве – та же судьба постигла группу латышей и латгальцев в количестве 125 чел., якобы за участие в контрреволюционной националистической организации под названием “ Партия святых”. Никто из них не был членом мифических “ПОВ”, “Партии святых” и других контрреволюционных организаций. В подавляющем своем большинстве это были глубоко верующие христиане. Власти же, воспринимая Католическую Церковь не иначе как контрреволюционную организацию с центром вне России, использовали против её приверженцев средство “Варфоломеевской ночи” - поистине средневековый массовый террор.

Подобные массовые аресты, а затем расстрелы поляков, немцев и др. имели место не только в Нарымском крае, а буквально по всей Сибири, в том числе и в Кузбассе. По неполным данным, в одном только Кузбассе в 1937 году по признакам статьи 58 УК РСФСР было арестовано 2708 человек, из них 2488- осуждены.³⁵ Тогда же суды и «тройки» НКВД в экстренном порядке выносили решения о применении высшей меры наказания к «выявленным» местными чекистами «врагам народа», ликвидации которых производились практически во всех крупных кузбасских городах. В городе Кемерово для этих целей была отведена целая расстрельная зона в районе села Ягуново на окраине города.³⁶ Наиболее массовые аресты национальных меньшинств “католической ориентации” прошли в местах их компактного проживания, где существовали католические приходы, были построены костелы или открыты небольшие каплицы. В Кузбассе такими местами

³⁴ Ханевич В. Белостокская трагедия (Из истории геноцида поляков в Сибири). Томск.1993.

³⁵ Марченко С.Г. Страницы истории уголовно - исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009. С.79.

³⁶ Там же.

были город Мариинск с окрестными деревнями и католическими приходами в селах Бороковском, Тюхтет и городе Боготол, а также католический приход в городе Тайге.

Сибирские католики в результате сталинских репрессий лишились всех своих священнослужителей, всех храмов и церковного имущества, утратили организационное единство, потеряли многих своих родных и близких, но не утратили главного - веры в Иисуса Христа и Его Церковь. И Церковь продолжала жить. Более того, благодаря "заботам" товарища Сталина, количество католиков в Сибири, в том числе и Кузбассе в 1930 - 1940 - е гг. возросло в десятки раз....

За колючей проволокой Кузбасслага...
(из судеб католических священников в 30 – 50 – е гг. XX в.)

Кузбасс по праву известен как один из самых мощных промышленных районов бывшего Советского Союза. Немалую роль в развитии этого региона сыграл так называемый спецконтингент. Их принудительный труд широко использовался на территории Кузбасса начиная с 1930-х гг. и был одним из мощных факторов создания промышленной основы региона. В довоенные годы спецконтингент составляли спецпереселенцы и трудопоселенцы, тылоополченцы и заключенные исправительно-трудовых учреждений (лагерей, колоний и частично тюрем). В период Великой Отечественной войны он пополнился окруженцами, советскими немцами, спецпереселенцами из Крыма и Кавказа (представителями разных этнических групп и народов), а после войны - репатриантами (советскими военнопленными и гражданскими лицами, власовцами), различными категориями спецпереселенцев и спецпоселенцев, включая жителей Западной Украины и Прибалтики.

Лагерная сеть Кузбасса в те годы отличалась чрезвычайным разнообразием и включала в себя десятки разных лагерей³⁷ с сотнями тысяч заключенных, занятых на строительстве и эксплуатации таких предприятий и объектов как Кузнецкий металлургический комбинат, угольные предприятия Анжеро-Судженского, Прокопьевско-Киселевского районов, Кемеровский и Ленинский рудники, Осинниковские и Араличевские шахты, Гурьевский металлургический завод, горные рудники в Салаире, Тельбессе и Темир - Тау. Согласно авторитетному мнению кузбасских историков, весь этот спецконтингент занимал весомое место в составе рабочих кадров Кузбасса вплоть до снятия со спецучета и политической реабилитации.³⁸

Не ставя перед собой задачу изучения разных аспектов трудоиспользования, правового положения, социального и национального состава данной категории людей, просто отметим, что среди них было много людей верующих, в том числе и католиков. Были в числе заключенных Сиблага также католические священники. Причем здесь их в годы советских репрессий оказалось значительно больше, чем до 1917 года служило во всех сибирских приходах, вместе взятых...

Была ли возможна в лагерях и тюрьмах религиозная жизнь? На этот вопрос дают ответы немногочисленные воспоминания уцелевших священников, а также сохранившиеся архивные документы, которые свидетельствуют, что религиозная жизнь в сибирских лагерях, несмотря ни на что, все же существовала. Конечно, самыми простыми формами религиозности в лагерных условиях были индивидуальные молитвы, которые никто не был в силах прекратить, несмотря на процветавшее в лагерях стукачество и доносительство. Однако, как это было на Соловках, католические священники смогли организовать общинную жизнь и с риском для жизни умудрялись проводить духовные упражнения и совершать религиозные обряды. Как это ни парадоксально, но лагерные условия учили священников смирению и жертвенности. Именно лагеря были «настоящей школой человечности, заботы о больных и принятия Божией воли, именно тогда, когда

³⁷ В 1930-40-е годы в лагерную сеть Кузбасса входили: отдел исправительно-трудовых колоний (ОИТК) УНКВД по Кемеровской области (с 1943 г.) – один из крупнейших лагерей послевоенного СССР, Сибирский лагерь, возникший на базе СибУЛОНа (1929–1942 гг.), и «Горшорлаг», осуществлявший строительство Горношорской железной дороги в 1938–1940 гг., проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД СССР № 0314 и 0315, лагеря для военнопленных, специализированные лагеря: строительные – «Кузбассжилстрой» («Кузбасслаг») и «Кемеровожилстрой» («Кемероволаг») (1947–1948 гг.), «Араличевстрой» (1951–1953 гг.), Томусинский ИТЛ (1949 г.), особый «Камышлаг» (1951–1952 гг.), лесозаготовительные («Севкузбасслаг» и «Южкузбасслаг» (1947–1965 гг.)), сельскохозяйственный «Сиблаг».

³⁸ Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса. 1929-1956. Кемерово. 2009. С.35.

люди находились в ситуации лишения не только свободы, но и элементарных условий физического существования».³⁹

Не будем сейчас развивать дальше эту тему, которая, несомненно, требует дальнейшего изучения, а обратимся к сухим биографическим данным тех католических священников, которым суждено было пройти через кузбасские лагеря. Расскажем лишь о тех, о ком сохранились сведения в местных и центральных архивах УВД, УФСБ, а также в таком мемориальном издании как Книга памяти Католической Церкви в СССР.⁴⁰

Мы уже отмечали, что через кузбасские лагеря в конце 1920-х – начале 1930-х гг. прошли такие местные ксендзы как **о. Николай Михасенок, о. Миколас Бугенис, о. Юлиан Гронский**, обвиненные в стандартных преступлениях: антисоветской агитации, контрреволюционной деятельности, шпионаже, противодействию коллективизации. В значительно большем количестве здесь побывало священников, доставленных этапами в разные годы из Европейской части СССР, Повольжья, Украины, Белоруссии, Литвы...

Дважды, в 1929 и 1935 гг, пришлось побывать в кузбасских лагерях католическому священнику из Винницкой епархии **о. Севастьяну Сабудзинскому** (1876-после 1937). Его биография весьма интересна и показательна. Родился он в Каменец - Подольске в семье чиновника. Окончив Каменецкую православную духовную семинарию в 1898 г., был рукоположен в православные священники и стал служить в разных приходах Подольской губернии.

С приходом революции и начала обновленческого движения в Православной церкви в 1919 г. в поисках истины примкнул на какое-то время к обновленческому движению, но там не нашел того, что могло удовлетворить его духовные потребности. По мнению о. Севастьяна, православие находилось тогда в состоянии сильного брожения и распада, возникло много течений и ересей. Хорошо зная историю христианства, посчитал, что подобного распада не может быть в Католической Церкви, поэтому в 1925 г. решил перейти в католичество. В 1927 г. о. Яном Свидерским, генеральным викарием Каменецкой епархии был принят в лоно Католической Церкви.

Служил в приходе в Баре Винницкой области, позднее - администратор Винницкой епархии. Во время богослужений сам лично собирал деньги для храма и для помощи осужденным и их родственникам, а также всем нуждающимся. После ареста о. Яна Свидерского посылал ему деньги в Житомирскую тюрьму, а после его осуждения - в лагерь, помогал также другим.

В 1929 г. - арестован и приговорен к 3 годам ссылки. В сентябре отправлен в Кузбасс, в Темир-Тау, откуда в сентябре 1932 г. был освобожден. Вернулся в Бар Винницкой области и продолжил служение в своем приходе. 12 января 1935 г. вновь был арестован по групповому делу католического духовенства и мирян (по данному делу проходило 9 католических священнослужителей немецкой, польской и украинской национальности).

13 января 1935 г. был отправлен для дальнейшего следствия в Винницкую, потом - в Киевскую тюрьму. 22 апреля 1935 г. на закрытом судебном заседании о. Севастьян заявил: «По своим внутренним убеждениям я с коммунистической программой не согласен, поэтому я себя считаю врагом советской власти. Следовательно на предварительном следствии неправдиво сформулировал мои показания. По христианским верованиям все люди одинаковы, будь они кулаки, середняки, бедняки, и всем требуется помощь. Активной агитации и разговоров со всеми подряд против советской власти я не проводил. Христианская идеология и учение расходятся с коммунистической программой, поэтому христианин не может быть сторонником советской власти. Помощь я собирал не только для арестованных ксендзов, но и для всех нуждающихся. На мой взгляд, иногда советская власть карает и невинных, но понятие виновности условно, этого в

³⁹ о. Чаплицкий Бронислав. История Католической церкви в СССР. Санкт - Петербург. 2001.С.35.

⁴⁰ Книга Памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. Сост. о. Бронислав Чаплицкий, И.Осипова. Серебряные нити. Москва. 2000.

принципе нет, кроме понятия помилования. Я слышал, что ксендзов судили за контрреволюционную деятельность, но я выполнял волю прихожан и по христианскому учению мы должны помогать врагам».

Решением закрытого судебного процесса от 20-23 апреля 1935 г. о. Севастьян был приговорен к 5 годам ИТЛ с поражением в правах на 3 года. Отправлен в Сиблаг в инвалидный лагпункт на ст. Тайга, куда прибыл 26 мая 1935 г.

В сентябре 1936 г. лагерь для него был заменен ссылкой. Поселился в Ставрополе, откуда в апреле 1937 г. - в Польский Красный Крест пришло его последнее письмо. 28 июня 1938 г. в польское посольство поступила информация о том, что во второй половине 1937 г. он был арестован. Возможно, был приговорен к ВМН и расстрелян.⁴¹

3 ноября 1932 г. в Мариинское отделение Сиблага был отправлен **о. Леон Пиотровский** (1878-1937), с 1919 г. настоятель прихода в Зиновьевске Тираспольской епархии. Еще до ареста и отправки в кузбасские лагеря у него уже была богатая «арестная» биография. Первый раз Пиотровский был арестован в 1921 г. по обвинению «в содействии контрреволюционному заговору», но через несколько дней освобожден.

В 1924 г. вновь арестован, обвинялся «в растрате костельного имущества», но вскоре также освобожден «за отсутствием состава преступления». С 1924 г. служил в приходе в с. Златополь Чигиринского деканата, с 1925 г. - администратор прихода в Звенигородке и с. Лисянка Житомирской области, обслуживал также приходы в селах Брусилов и Народичи Овручского деканата и приход в Чернобыле и селах Розважево, Бородзянка и с. Хабное под Киевом. 9 апреля 1932 г. последовал третий арест по обвинению «в шпионаже в пользу Польши». Отправлен в Харьковскую тюрьму, а 21 апреля переведен в Киевскую.

11 июля 1932 г. приговорен по ст. 54-6 УК УССР к 5 годам ИТЛ. Переведен в Бутырскую тюрьму в Москве. 8 октября 1932 г. срок наказания увеличен до 10 лет. Будучи заключенным Сиблага, 13 сентября 1937 г. по постановлению Тройки УНКВД ЗСК приговорен по ст. 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания. 14 октября 1937 г. приговор был утвержден Постановлением Особого Совещания НКВД СССР. 1 ноября 1937 г. расстрелян.⁴²

С 1934 г. в сибирских лагерях находился **о. Адам Вагнер** (1894-1938). Родился он в семье немецкого колониста на Украине. Окончил духовную семинарию и в 1919 году принял сан римско-католического священника. С 1919 года служил в костеле г. Ландау, с 1925 года - настоятель костела в г. Мариуполе Донецкой области. 27 сентября 1933 года арестован в г. Мариуполе по обвинению в «шпионской деятельности в пользу Германии». 23 февраля 1934 года по Постановлению Тройки Коллегии ГПУ УССР приговорен по ст.ст. 54 - 2, 6 и 11 УК УССР к 10 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг. Будучи заключенным Сиблага, в 1937 г. был этапирован в г. Новосибирск и после короткого следствия 13 января 1938 г. в Новосибирской тюрьме расстрелян.⁴³

В апреле 1934 г. в лагере, расположенном на ст. Суслово Томской ж. д. оказался католический священник из Самарской области **Иоганн Фалькенштейн** (1886 - ?), осужденный в 1932 г. к 5 годам лагерей по групповому делу немецкого католического духовенства и мирян. Дальнейшая его судьба неизвестна.⁴⁴

В том же 1934 г. в Сиблаге оказался ксендз из Днепропетровской области Ураины **о. Иаков Варт** (1894 - 1970), арестованный в декабре 1933 г. по групповому делу католического духовенства и мирян и осужденный к 5-летнему сроку

⁴¹ Книга Памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С. 243-244.

⁴² Архив УФСБ по Кемеровской области; Осипова И. 1996. С. 190; Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С.134-135.

⁴³ Архив УФСБ по Новосибирской области; Осипова И. 1996. С. 155; Следственное дело № 95215 // ЦА ФСБ РФ; Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С.36.

⁴⁴ ГАРФ, ф. 8406, оп. 2, д. 4814 и д. 4903; Dzwonkowski Roman SAC. С. 226; Осипова И. 1996. С. 205; Следственное дело № 95215 // ЦА ФСБ РФ; Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С.251..

заклучения. В лагере о. Иаков тяжело заболел, а заключенные, узнав, что он священник, прятали от начальства его молитвенник и старались помочь в тяжелой работе на лесоповале. После освобождения из лагеря о. Иаков был выслан в Южно-Казахстанскую область и жил в с. Георгиевка, где его приютила набожная и отважная католичка - Эмилия Викентьевна Шарт, предоставившая ему комнату. Там он ежедневно ранним утром тайно служил Св. Мессу и много молился. Отец Иаков ничего про себя не рассказывал даже своей племяннице Марии, приехавшей к нему через тридцать лет. 18 сентября 1970 г. скончался и был похоронен в этом же селе.⁴⁵

Всего около года: с июня 1935 до июня 1936 гг. в Мариинском отделении Сиблага содержался **о. Иосиф Бородзюля** (1893-1983). Год из тридцати лет жизни в положении советского заключенного и ссыльного, в течение которых были три ареста, десятки лагерей, включая печально известные Соловки, бессрочная ссылка...Родился о. Иосиф 4 сентября 1893 года в деревне Козики Витебской губернии в польской католической семье. Трудовую жизнь начал секретарем Витебского суда после окончания в 1910 г. средней школы, но мечтал стать священником. Поступил учиться в духовную семинарию в Санкт-Петербурге и закончил её в 1917 году. 27 мая 1917 г. состоялось его рукоположение в священники. Желая продолжить образование, поступил в духовную Академию в Петрограде, но обучение в ней не закончил в связи начавшимися революциями и закрытием Академии. В 1918 - 1926 гг. служил в сельских приходах Витебского деканата. 29 декабря 1926 г. последовал первый арест и первый срок заключения в 3 года на Соловки. После окончания срока заключения в 1933 г. вернулся в родной Витебск. Генеральный викарий Витебского деканата о. Петр Авгло назначил его своим помощником в Могилеве и преемником в случае своего ареста или смерти. 14 октября 1933 г. о. Иосиф был вновь арестован и приговорен к 3 годам ссылки. Ссылку отбывать направлен в Архангельскую область, где в 1935 г. был вновь арестован и 29 мая 1935 г. приговорен по ст. 58-10 УК РСФСР к 3 годам ИТЛ. Вот так и оказался о. Иосиф в Мариинском отделении Сиблага, правда, ненадолго.

28 мая 1936 г. он был переведен в Норильлаг, а с сентября 1937 г. находился в отделении Норильлага на ст. Коларгон ж. д. Норильск - Дудинка, где работал фельдшером в больнице. Не знал тогда о. Иосиф, что в 1937 г. в Ленинграде был арестован и расстрелян его младший брат Адам, работавший ветеринарным врачом.

6 августа 1941 г. о. Иосифу срок наказания увеличили до 10 лет и перевели в Краслаг в Красноярском крае. После окончания войны 29 мая 1945 г. о. Иосиф получил освобождение из лагеря, но без права выезда, поэтому остался работать в лагере вольнонаемным. И только 6 июня 1946 г. получил разрешение на свободное проживание. Выехал в Латвию, откуда был направлен служить настоятелем прихода в Ленинград, но не получил там прописки, поэтому в октябре 1946 г. был переведен в приход в с. Посино (Латвия). 8 ноября 1949 г. вновь арестован, приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь.

Ссылку отбывал в селе Абан Красноярского края, откуда 22 сентября 1954 г. был освобожден, вернулся в Ригу и продолжил свою пастырскую деятельность в одном из сельских приходов. В 1958 г. из-за своей активной работы в приходе получил запрет на ведение службы. Последние годы жил в Риге, с 1978 г. помогая настоятелю храма Св. Альберта. Скончался 27 сентября 1983 г., написал воспоминания.⁴⁶

С началом Второй мировой войны и вступления советских войск в сентябре 1939 г. в пределы Западной Белоруссии и Украины и началом там советизации присоединенных к СССР территорий на восток страны в Сибирь потянулись эшелоны с высланными спецпоселенцами и заключенными из числа бывших польских граждан. В их числе оказался, например, священник и законоучитель в средних школах салезианец **о. Станислав Зентара** (1886-после

⁴⁵ Dzwonkowski Roman SAC. S. 498; Информация с. Людмилы Клюстер из Томска, переданная в 1998 году.

⁴⁶ Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С.268-269.

1939). Во время Первой мировой войны он жил в Лондоне, после работал в профессиональной салезианской школе в Освенциме, затем был направлен служить в Вильно. В 1928 г. перешел на службу в Луцкую епархию, где был администратором прихода Радов и законоучителем в начальных школах. С 1935 года - законоучитель в средних школах в Ровно, оставался там и во время немецкой и советской оккупаций. В 1939 г. о. Станислав был арестован и приговорен к заключению в лагерь. Отправлен в лагерь в Сибири, где и скончался (точная дата, место и обстоятельства смерти неизвестны).⁴⁷

К концу Великой Отечественной войны и сразу после её окончания лагеря Кузбасса вновь пополнились новым контингентом. В их числе после освобождения Литвы советскими войсками в 1944 г. был арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг настоятель прихода в Салдутишкисе, священник - салезианец, профессор Оксфордского и Миланского университетов, изучавший санскрит в Делийском университете, где общался с Рабиндранатом Тагором **о. Густас Юозас (Юозанас)**. Из сибирских лагерей в 1956 г. он был освобожден и вернулся в Литву. Однако через год после возвращения на родину добровольно выехал в Сибирь для пастырской деятельности среди высланных литовцев. В 1958 г. был тайно убит по указанию властей (точная дата смерти неизвестна), похоронен на Красноярском кладбище.⁴⁸

Примерно при таких же обстоятельствах оказался в кузбасской ссылке Апостольский визитатор для греко - католиков восточных районов Польши, доктор философии и богословия, член ордена редemptористов восточного обряда епископ **Николай Чарнецкий** (1884-1959), арестованный 11 апреля 1945 г. в г. Львове по групповому делу католического духовенства и мирян. 3 марта 1946 г. был приговорен к 10 годам ссылки в Сибирь. Все годы советской и немецкой оккупации еп. Чарнецкий оставался во Львове, однако после возвращения Красной Армии и вторичного установления в Западной Украине советской власти ареста не избежал. Из сибирской ссылки смог вернуться во Львов только в 1956 г., но управлять епархией по причине запрета уже не мог.⁴⁹

В 1948 г. после ареста, следствия и получения 10-летнего срока заключения в Сиблаг был отправлен настоятель прихода и декан в Барановичах **Ян Борысюк** (1888-1953), служивший в приходе с 1933 г. и остававшийся священником прихода и в годы немецкой оккупации. После возвращения Красной Армии и установления советской власти о. Ян был арестован, вывезен для дальнейшего следствия в Каменец-Подольский и приговорен к 10 годам ИТЛ. В мае 1950 г. из Кузбасса о. Ян был переведен в Омлаг, где в 1953 г. скончался.⁵⁰

В 1949 г. в Сусловском отделении Сиблага Кемеровской области оказался **о. Дионисий Захаржевский** (1888-1955), священник белорусского города Молодечно, служивший там до войны и во время немецкой оккупации. После возвращения Красной Армии и установления советской власти о. Дионисий 15 июля 1948 г. был арестован и 25 февраля 1949 г. приговорен по ст. 72 «б» УК БССР к 25 годам ИТЛ. 9 января 1955 г. срок приговора для него был снижен до 7 лет, но о. Дионисий не успел освободиться, так как 2 апреля 1955 г. скончался от сердечной недостаточности.⁵¹

В 1950 г. в Мариинское отделение Сиблага был доставлен этапом из Полоцка священник **о. Люциан Павлик** (1913-?) Во время немецкой оккупации он служил в Полоцкой области, оставался там и после окончания войны. 20 октября 1950 г. был арестован, 30 декабря 1950 г. приговорен по ст. 72 «б» УК БССР к 25 годам ИТЛ. В 1956 г. о. Люциан из Мариинска был переведен в Южкузбасслаг

⁴⁷ Там же. С.77.

⁴⁸ Там же. С.59.

⁴⁹ Там же. С.300.

⁵⁰ Архив УФСБ РФ по Новосибирской области; Архив УФСБ РФ по Омской области; Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С.30.

⁵¹ Архив УМВД РФ по Кемеровской области; Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С.76.

(Сталинск Кемеровской области), откуда 17 мая 1956 г. был освобожден и вернулся к своим прихожанам в Полоцкую область.⁵²

Годом позже, в 1951 г. в Мариинском отделении Сиблага оказался **о. Станислав (Чеслав) Кударевский** (1888-1983), служивший до и во время войны в Полоцке. 22 декабря 1950 г. был арестован в Полоцке и отправлен для дальнейшего следствия в Могилевскую тюрьму. 15 марта 1951 - приговорен по ст.ст. 72 «б» и 76 УК БССР к 25 годам ИТЛ. 7 октября 1955 г. Кударевский получил освобождение из лагеря и смог вернуться к прежнему месту службы. Однако вскоре решил вернуться в Сибирь. Первоначально проживал в Новосибирске, где подпольно вел активную пастырскую работу среди немецкого населения, позднее переехал во Фрунзе (Киргизия), где 14 июля 1967 - получил официальную регистрацию и стал служить в часовне для ссыльных немцев. В 1972 г. отметил золотой, а потом и бриллиантовый юбилей своего пастырского служения. В 1983 г. скончался во Фрунзе. Оставил воспоминания.⁵³

В 1954 г. из мордовских лагерей в Сиблаг (Мариинск Кемеровской обл.) был переведен **о. Владислав Курп-Гарбовский** (1884-1976), с 1920 г. до ареста, 11 июня 1950 г. настоятель приходов в Виленской епархии. 29 ноября 1950 о. Владислав был приговорен по ст. 72 «б» УК БССР к 10 годам ИТЛ и отправлен в Темлаг, а затем в кузбасские лагеря. 4 ноября 1954 г. о. Владислав был из лагеря освобожден по болезни (ПП Кемеровского ОС от 20 октября). В 1956 г. смог выехать в Польшу и с 24 ноября 1956 г. стал настоятелем прихода в с. Тручовцы Белостокского воеводства. С 1973 г. - почетный каноник капитула в Белостоке.⁵⁴

В следственных тюрьмах, а затем в лагерях существовали разные способы сломить человека физически и духовно: издевательские и изуверские формы ведения следствия, запугивание, провокации, голод и холод, тяжелый физический труд на лесоповале или в забое шахт, размещение «политических» вместе с уголовниками, поголовная система слежки и доносительства. Все это требовало от людей особенной стойкости, физической и духовной силы. Физических сил практически ни у кого из заключенных не было, ибо з/кк постоянно испытывали голод, а вот духовные силы многие из верующих заключенных черпали в тайных молитвах и уповании на Бога.... Это давало им силы и надежду. Конечно, и в лагерях бывали молитвы, исповеди, разговоры о Боге и вечности. Места заключений для многих священников стали также и полем их миссионерской деятельности. Иногда именно там верующие впервые находили священника. Находясь в заключении, священники пытались использовать любую возможность, чтобы сохранить свою духовность в условиях тюремного и лагерного заключения. Те времена были особым испытанием, так как следователи и охранники пытались не только сломить волю заключенных, но и провоцировали различные формы издевательств над верой и пытались священников и мирян сделать своими осведомителями.

Приведенные выше биографии священников, прошедших кузбасские лагеря и оставшихся в живых, свидетельствуют, что впоследствии практически все из них, несмотря на продолжающиеся гонения, продолжили свое пастырское служение, неся людям слово Божие ...

⁵² Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С.291.

⁵³ Там же. С.285-286.

⁵⁴ Архив УФСБ РФ по Кемеровской области; Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С.348.

**Католики в Кузбассе в 1950-1980 – е гг.
Жизнь на нелегальном положении.**

Великая Отечественная война с её неисчислимыми человеческими потерями и масштабными катаклизмами явилась своеобразным катализатором возрождения религиозных чувств и настроений, которые, казалось, люди упрятали в глубину сознания, а то и вообще утратили. Война, так или иначе, заставила партийно-государственное руководство на некоторое время «пересмотреть свое отношение к религиозным организациям и институтам, приостановить натиск на них и даже позволить некоторым из них возобновить свою деятельность».⁵⁵

Однако такая «либерализация» совершенно не коснулась католиков. Да и те церкви, на которые распространялась «милость государства», получили немного из того, на что надеялись и что им обещалось... А потом и обещания кончились. На конец 1940-х- начало 50-х гг. пришелся новый период политического террора, борьба с «безродным космополитизмом», «дело врачей», очередное шельмование ученых и писателей, одним словом, привычная советско - тоталитарная практика.

Со смертью «вождя народов» и сменой руководства страны, начавшимся процессом реабилитации и другими явлениями в жизни страны, получившими название «оттепели», казалось бы, следовало бы ожидать изменений и в отношениях государства к церкви, но этого не произошло. Новое руководство страны во главе с Н.С. Хрущевым продолжило естественное для КПСС и Советского государства давление и шельмование церкви, священнослужителей и верующих. Понятно, что в сравнении с 1920-30 гг. в это время не было в прежних масштабах физической ликвидации духовенства и верующих, но моральный и идеологический террор оставался прежним.

И здесь мы солидарны с мнением о том, что «именно по отношению к религии, церкви, верующим можно судить о неизменной тоталитарной сущности советского политического режима и социалистического государства как в 1940-50-е, так и в 1960-70 гг., как при Сталине, так и при Хрущеве и Брежневе».⁵⁶

Сталинские «переселения народов» 1940-50-х гг. привели к тому, католики оказались там, где их раньше было мало либо не было совсем. Кузбасс оказался в числе таких мест, где «благодаря заботам» вождя всех народов товарища Сталина, в послевоенный период сформировались целые поселения, в значительной степени состоящие из бывших заключенных и спецпереселенцев католического происхождения и католической религиозной культуры: поляки, белорусы, западные украинцы, немцы, латыши, литовцы.

В этих семьях старались сохранить религиозные и национальные обычаи, старшие учили детей молитвам. Во многих местностях, особенно сельских, там, где значительный процент жителей составляли католики, существовали разные формы совместной молитвы: пение песен, чтение литаний и розария и т.д. Старшие среди верующих, помнившие церковную жизнь эти формы сохраняли, иногда сооружая что-то вроде алтаря.⁵⁷ В таких случаях верующие собирались по национальному признаку, поскольку знали молитвы только на родном языке, а самой Литургии на латыни знать не могли. В тех условиях, когда религия преследовалась, общины создавались исключительно стойкими людьми, связанными между собой национальными, а иногда даже родственными узами. Эти общины нигде не регистрировались и существовали практически подпольно. Молитвы проводились старшими авторитетными людьми.⁵⁸

Так, например, в 1953 г. уполномоченный по делам религиозных культов при Кемеровском облисполкоме Яровой докладывал, что в Итатском районе в д.

⁵⁵ Сосковец Л.И. Указ. соч. С.12.

⁵⁶ Там же. С.13.

⁵⁷ Свидницкий И. Воспоминания узника. <http://svidnitski.narod.ru>

⁵⁸ о. Чаплицкий Бронислав. История Католической церкви в СССР. Санкт - Петербург. 2001.С.108.

Черниговке Самсоновского сельсовета выявлена группа католиков, деятельность которых выражается в том, что они проводят организованно молитвенные собрания в дни религиозных праздников по квартирам верующих, а руководит проведением молитвенных собраний с 1949 г. некий Вальтер Константин Константинович, до этого руководила его мать, которая умерла в 1949 году. «...В религиозные праздники на квартире у одного из верующих собирают иконы и делают наподобие иконостаса. Собирают и другие атрибуты религиозного обряда. Особая активность и демонстративность проявляется в похоронах...».⁵⁹

Говоря о группе католиков в селе Бороковка Тяжинского района, он указывал, что проверить деятельность проживающих там католиков и имевших до 1934 г. костел не представилось возможным, но «из бесед с руководителями района видно, что во время религиозных праздников верующие католики собираются по квартирам и совершают религиозные обряды».

В 1956 г. тот же Яровой докладывал, что в городе Ленинск - Кузнецком «выявлена группа католиков численностью до 20 человек, которой руководит Шмальц Георгий Каспорович, 1890 года рождения, малограмотный, без определенных занятий». В следующем 1957 г. Яровой докладывал, что в июне 1957 г. выявил неизвестную до этого группу католиков немецкой национальности в городе Юрге «в количестве, превышающем 400 человек, не считая детей». «Католики собираются в разных местах на молитвенные собрания,- указывал в своей информации Яровой, - Руководителями группы католиков являются Ганзен Николай Николаевич, 1889 года рождения, проживает г. Юрга, ул. Строительная 4-5, квартал «М» и Вольф Станислав Иванович, 1889 года рождения, проживает г. Юрга, ул. Кольцевая 11, оба пенсионеры и не работают. В мае-июне 1956 г. среди верующих немцев проповедниками была проведена большая работа по склонению их к выезду из Советского Союза в Западную Германию. Большое количество верующих оформили документы и со специальными курьерами направляли их в Москву для передачи посольству ФРГ, с тем, чтобы получить разрешение на въезд и жительство в Западную Германию. Одну из причин, в силу чего они желают выехать на жительство в Западную Германию, по данным КГБ, немцы выдвинули отсутствие условий для удовлетворения религиозных нужд, нет молитвенных домов и общин, зарегистрированных в законном порядке». В июле 1957 г. указанная группа католиков через созданную «двадцатку» обратилась с заявлением об официальной регистрации общины, но получила отказ.⁶⁰

Существовали религиозные группы верующих католиков и в других местах области. Так, например, по данным кузбасского историка Р.С. Бикметова на 30 апреля 1958 г. в Кузбассе проживало 42242 гражданина немецкой национальности, из них около 8,5 тысяч (не менее 20 %) считали себя верующими и состояли в католических и протестантских общинах. Только в шахтерских городах (Юрга, Ленинск-Кузнецкий, Осинники, Киселевск, Белово) проживало 1180 немцев – лютеран, 525 немцев – католиков (Юрга -400, Ленинск – Кузнецкий – 25, Белово – 100), 513 менонитов, 279 баптистов. Верующие немцы также проживали в это время в Таштаголе, Берикуле, Ижморке, Тисуле и других районных центрах и поселках области. Данные приведены только о немцах, но были в области и представители других ссыльных народов, придерживающихся католических традиций.

Дополним сухие статистические цифры живыми воспоминаниями людей. Вот что о тех временах вспоминает Анна Михайловна Ярославцева (1935 г.р.), в те годы жительница Юрги: «Родом я из Одесской области. Из Одесской области эвакуировали в Польшу, а затем попала в Германию. Из Германии попала в Вологодскую область, в Великий Устюг, в детский дом, откуда в 1951 году меня забрали двоюродные сестры. Родители по национальности были немцы - Лютц Михаил и Варвара. Воспоминания детства очень тяжёлые, в детском доме запрещали молиться, наказывали за это. А я помнила, как мама мне говорила:

⁵⁹ ГАКО.Ф.П.-75.Оп.7.Д.73.Л.77.

⁶⁰ Там же. Л.186.

«перед тем, как спать встань на коленочки и помолись». Я так и делала вначале, но кто-нибудь доносил, и меня наказывали... Поэтому потом втихоря под одеялом молилась. А я так молила Господа: «Господи, найди моего папочку, он наверное плачет за мной». Когда я приехала в Юргу, то устроилась на работу, вышла замуж, родила 3-х детей. На квартале «М» собирались немцы католики. На улице Кольцевой и Луговая жили немцы - спецпереселенцы, это был спецпосёлок для немцев. Они сами себе копали такие дома-землянки, а кто мог - строился. Немцы находились под строгим контролем, они должны были каждый месяц отмечаться в спецкомендатуре. И там тайно проводились службы, много людей там собиралось... Там я и крестила своих детей Виктора, Людмилу и Татьяну...».⁶¹

Из воспоминаний жителя Ленинск - Кузнецкого Иосифа Карловича Комаровского (1927 г.р.): «Мама ко мне приехала в Ленинск - Кузнецкий в 1956 году и сразу же нашла дом, где проходили богослужения католиков. Она говорит мне: «Иосиф, ты пойдёшь в Церковь?» А я говорю: «Конечно пойду». И я начал ходить. Очень много собиралось народу на службы. Сначала службы были в доме Раймонда Уберта, а когда он переехал в другой дом, то службы стали проходить в доме тети Анны Корман. В течение 10 лет собирались у моей матери на улице Железнодорожной, что возле Шахты Кирова. Её вызывали в райисполком и предупреждали: «Бабушка, а чем вы там занимаетесь?» А она отвечала: «А вы придите и посмотрите и послушайте, чем я занимаюсь. Мне уже 90 лет и я вас не боюсь...». После её смерти, а умерла она в 1986 году, я Церковь взял к себе...

А уже меня никто не вызывал, у меня уже община зарегистрирована была...».⁶²

С пребыванием на территории Кемеровской области со второй половины 1950-х гг. священников, действовавших, естественно, нелегально, появилась возможность собирать людей разных национальностей и создавать из их числа общины. В Кузбассе такими священниками были францисканец о. Александр Бень, прелат о. Михаил Келлер, греко-католические священники Василий Рудка, Ярослав Сподар, В начале 1980-х гг. тайно служил о. Иосиф Свидницкий. Всем им пришлось в своей жизни пройти аресты, допросы, Гулаг, ссылки, а затем долгие годы подпольной пастырской деятельности. В то же время при схожести судеб у каждого была своя биография...

По воспоминаниям самой пожилой прихожанки города Новокузнецка Марии Дизер, живущей в Новокузнецке с 1953 года, в их город время от времени приезжали несколько священников, в числе которых она помнит отца Иосифа (Свидницкого), прелата Келлера (из Фрунзе, приезжал очень редко). Регулярно, хотя и нечасто, в Новокузнецк приезжал отец Александр Бень, который жил в Анжеро-Судженске (север Кемеровской области). Таким образом, к 1957 году в каждое воскресенье и праздники католики в Новокузнецке собирались на молитву, в разных местах из соображений конспирации, но чаще всего в домах семей Циммерман и Шмидт. Сама она как немка поселилась и жила в районе так называемой Верхней Колонии, где жили в основном вынужденные переселенцы из разных мест. Говоря об отце Александре Бень, вспомнила, что в его последний приезд в Новокузнецк власти хотели арестовать, однако прихожане его вовремя предупредили, и он успел покинуть город. Больше о нем она ничего не знает. Дополним её рассказ об о. Александре.

⁶¹ Записано Г.А. Шейко в 2009 г.

⁶² Записано Г.А. Шейко в 2009 г.

Фото 1.9. о. Александр Бень на службе в г. Анжерка. Фото кон. 50-х гг.

Родился **о. Александр Бень** (1912- 1991) в католической польской семье, проживавшей в селе Долго - Мостовка Каменец-Подольской губернии. В 1931г. вступил в орден Св. Франциска, а в 1939 году был рукоположен в священники и служил в Кракове. С началом Второй мировой войны и разделом Польши в сентябре 1939 г. оказался на территории, оккупированной Красной Армией. Однако вскоре с нападением гитлеровской Германии на СССР оказался на оккупированной немцами территории, продолжал служить в приходе. После возвращения Красной Армии и установления советской власти 26 января 1945 г. был арестован в г. Житомире, обвинен в сотрудничестве с фашистами и вывезен для дальнейшего следствия в Киевскую тюрьму. 6 мая 1946 г. приговорен по ст.ст. 58 - 1 «а» и 58- 11 УК РСФСР к 8 годам ИТЛ. Для отбытия срока наказания отправлен в Степлаг (Джезказган Карагандинской области). Отбыв свой восьмилетний срок заключения «от звонка до звонка», 26 января 1953 г. был освобожден и выслан в ссылку в Кокчетавскую область. 20 апреля 1956 г. последовало освобождение из ссылки и только тогда о. Александр смог приехать в Кузбасс и поселился в Анжеро – Судженске. Для того, чтобы не привлекать внимание властей, устроился работать в котельной. Однако всё свое время уделял пастырской деятельности, продолжая тайно совершать богослужения не только в Анжерке, но также предпринимая поездки в другие города и села Сибири. И это при том, что до 1958 г. не имел паспорта. До сих пор о нем вспоминают старые католики в Томске, на Алтае, в Казахстане, в Кузбассе... Только в 1975 г. о. Александр получил разрешение на организацию прихода в Кустанае (Казахстан), но и потом посещал сибирские приходы, где постоянных священников по-прежнему не было. Окончил свой земной путь 1 июня 1991г. в Польше, в Кальварии Пацлавской под Пшемыслом.⁶³

По данным УКГБ по Кемеровской области, в начале 1961 г. на территории области подпольно действовали 5 католических общин. Одна община, насчитывающая около 80 человек, была зафиксирована в городе Прокопьевске. Её руководителем был украинец В.Е. Рудка, 1912 г.р., работавший гардеробщиком шахты им. Сталина, но имевшим высшее теологическое образование. В городе Ленинск - Кузнецком сотрудниками госбезопасности было зафиксировано сразу две группы католиков немецкой национальности до 50 человек каждая. Одной группой руководил Р.А. Уберт, 1902 г.р., работавший кочегаром на шахте «Комсомолец», а

⁶³ Книга памяти. Мартиролог католической церкви в СССР. С. 267-268.

другой - пенсионер Г.К. Шмальц, имевший возраст 71 год. В списках выявленных религиозных групп значилась также группа католиков в поселке Бабанакново Беловского района численностью около 20 человек. Её руководителем считалась 35-летняя немка Марта Симон. В поселке Клепочный Таштагольского района обнаруженная ранее группа католиков «организованной деятельности» к началу 1961 г. уже не проявляла.

А вот в городе Юрге деятельность группы католиков, по мнению сотрудников КГБ, была достаточно активна. Количество её органов было неизвестно в отличие от её руководителя. О руководителе этой группы сообщалось в облисполком, что её возглавляет некто Келлер Михаил Яковлевич, 1897 г.р., немец, пенсионер, проживающий в Юрге по ул. Добролюбова, 40. А также то, что он имеет среднее духовное образование и в 1934 г. был осужден за антисоветскую деятельность к 10 годам ИТЛ.⁶⁴

В настоящее время мы имеем возможность более подробно раскрыть биографию этого незаурядного человека и настоящего пастыря. Родился **о. Михаил Келлер** 30 октября 1897 г. в селе Иоганнесштадт под Одессой. Учился в Саратовской духовной семинарии и окончил ее после перевода в Одессу. 21 мая 1922 г. был рукоположен в священники и служил в приходах немецких сел Карлсруэ и Шпеер. В 1934 г. был арестован и выслан в Среднюю Азию, где совершал нелегальные богослужения, в 1938 г. находился в ссылке в Караганде. В послевоенное время работал прорабом на стройке в Северном Казахстане, сначала как заключенный, потом уже вольнонаемным. После выхода на пенсию получил почетную грамоту и медаль за работу. В марте 1957 г. встретился в Красноармейске со служившими священниками, добровольно оставшимися служить в Казахстане, и впервые за двенадцать лет о. Михаил публично совершил Св. Мессу. Из Казахстана приехав в Сибирь, первоначально проживал в Юрге, затем Новосибирске, где вел активную пастырскую работу среди немецкого населения, позднее переехал во Фрунзе (ныне Бишкек, Киргизия), где 14 июля 1967 г. получил официальную регистрацию и стал служить в часовне для ссыльных немцев. В 1972 г. отметил золотой, а потом и бриллиантовый юбилей своего пастырского служения, оставил воспоминания. Скончался 28 февраля 1983 г. на 86 году жизни в Бишкеке.⁶⁵

В начале 1980-х гг. для встречи с кузбасскими католиками из Новосибирска приезжал также **о. Иосиф Свидницкий**, о чем до сих пор вспоминают старые прихожане. По возрасту он был значительно моложе о. Михаила Келлера, однако и на его долю хватило конспираций, лишений, ареста и срока заключения в самом начале перестройки. По всей видимости, о. Иосиф Свидницкий был последним из католических священников, кому пришлось нелегально служить в кузбасских приходах...

Родился он 25-го декабря 1937 года на Украине в польской семье. Для того, чтобы стать священником, устроился на работу в Риге, где была духовная семинария. Однако официально поступить в неё ему тогда не удалось, пришлось учиться подпольно. В 1972 году епископом В. Сладкевичюсом был рукоположен в Литве. Служил подпольно, а в свободное время тайно выезжал на Украину, чтобы помогать местным священникам. В 1973 г. переехал служить в Житомир, где его усердная деятельность весьма обеспокоила местное КГБ. Пришлось перебраться в Среднюю Азию, где о. Иосиф стал служить в Душанбе, а с 1982 г. переехал служить в Новосибирск. Он был первым католическим священником, кому власти разрешили постоянное проживание в этом городе.

С его приездом в Новосибирске была официально зарегистрирована община, его же стараниями был куплен в 1982 году первый молитвенный дом, затем был куплен другой более просторный дом. Позже он стал инициатором

⁶⁴ ГАКО.Ф.П-75.Оп.9.Д.26.Л.1-35//Шиллер В.В. Этноконфессиональное взаимодействие в Кемеровской области в конце XIX-XXвв.

⁶⁵ Книга памяти. Мартиролог католической церкви в СССР.С.283;Архив ассумпционистов. Рим. 2ЕР.66,Л.38.

строительства настоящего кирпичного храма.⁶⁶ В то же время предпринимал поездки по разным городам Сибири, Казахстана, Кавказа, где основывал небольшие общины и создавал легальные или нелегальные часовни. Все это, конечно, не осталось без внимания органов КГБ.

Арестовали его в Новосибирске перед мессой 19 декабря 1984 г. накануне Рождества. В вину вменялось хранение антисоветской (то есть религиозной) литературы. Приговор - 3 года лагерного заключения по статьям 190 прим. и 227 УК РСФСР. Отбывать срок заключения был направлен в ИТЛ г. Куйбышева Новосибирской области.

Фото 1.10. о. И. Свидницкий после выхода из лагеря. 1987 г.

Находясь в лагере, продолжал свое пастырское служение. Вот что он сказал о времени, проведенном в лагере на своей первой проповеди в Новосибирске сразу же после освобождения из заключения в присутствии не только прихожан, но и своих гонителей: «Спасибо тем, кто меня посадил за решетку. Они ещё возвысили мой авторитет не только в церкви, но и за её пределами. Если раньше я был, образно выражаясь, как крохотный домишко, то теперь атеисты сами расстроили меня, как девятиэтажный дом. Я свою священническую миссию продолжал и среди преступников. А они меня научили более глубокой вере. Я показал всем неверующим силу и мощь Евангелия. Меня хотели физически сломать, но от этого я стал только сильнее и физически, и духовно. Я никого не виню за то, что я сидел. Здесь была воля Творца. Если я хотя бы одному человеку проповедовал о Всевышнем, то это стоило того, чтобы мне оказаться за решеткой. Там я проповедовал многим, а не одному...».⁶⁷

Отбыв в местах заключения два года три месяца и восемь дней, т.е. не досидев до полного окончания срока чуть меньше года, о. Иосиф по амнистии Верховного Совета был освобожден и вышел на свободу 24 марта 1987 г. Как

⁶⁶ Церковь Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии

⁶⁷ Свидницкий И. Воспоминания узника. <http://svidnitsky.narod.ru>

пишет в своей книге воспоминаний, выйдя за ворота лагеря, первым делом прямо на вокзале «сел подальше от людей в зале ожидания и мысленно отслужил мессу и прочитал "тюремный часослов" – розарий, а потом взял билет до Прокопьевска, чтобы посетить отцов редемптористов греко - католиков Василия Рудку и Ярослава Сподара. Главное – исповедоваться, очистить душу и сердце...26-го марта в 14 часов я был у своих братьев в Прокопьевске. Они жили в старом доме среди угольных шахт. Часть дома служила часовней. Старенький отец Василий служил литургию для украинцев или мессу для немцев. Молодой отец Ярослав работал шахтером. От них я выехал домой в девять часов вечера...».⁶⁸

Вернувшись в Новосибирск и не успев ещё, по сути, приступить к своим обязанностям, как сразу же в воскресенье 29 марта после воскресной мессы на него посыпались угрозы со стороны ответственных чиновников райисполкома, пришедших проконтролировать службу. В ответ на их угрозы о. Иосиф сказал: «...Мессу я служить буду, даже если вы будете угрожать мне новым арестом. Если я её служил в тюрьме, в зоне, за станком, то тем более, буду служить здесь. Если Вы меня и людей не оставите в покое, то я подам на Вас в суд. Если будете меня травить, я дам телеграмму в Верховный Совет, чтобы отменил свое решение о моей амнистии. Я сам вернусь в тюрьму, мне свобода без алтаря не нужна. Не запугаете!». ⁶⁹

Однако понимая, что местные власти ему и в дальнейшем будут чинить препятствия, о. Иосиф покинул Новосибирск и вылетел на родину, в Украину, а позже переехал в Среднюю Азию, в Узбекистан, где главным местом его служения стала Фергана. Совершал поездки в другие места Узбекистана и соседнего Казахстана, везде собирая свою паству и обустраивая храмы в Душанбе и Курган-Тюбе. Затем, уже в годы перестройки, возвратившись в Сибирь, содействовал основанию католических общин в Челябинске, Омске, Марксе. Построил церковь в селе Саргатском Омской области.

В сентябре 1996 г. в г. Новосибирске в Церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, которую начинал строить отец Иосиф Свидницкий перед своим арестом, в торжественной обстановке прихожане отметили 25-летие его священнической деятельности. Епископ Иосиф Верт, кратко изложив жизненный и духовный путь отца Иосифа и приветствуя юбиляра, сообщил радостную весть о том, что 8 сентября 1996 г. Папа Иоанн Павел II назначил отца Иосифа Свидницкого монсеньором и своим почетным прелатом за особые заслуги перед Католической Церковью.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.